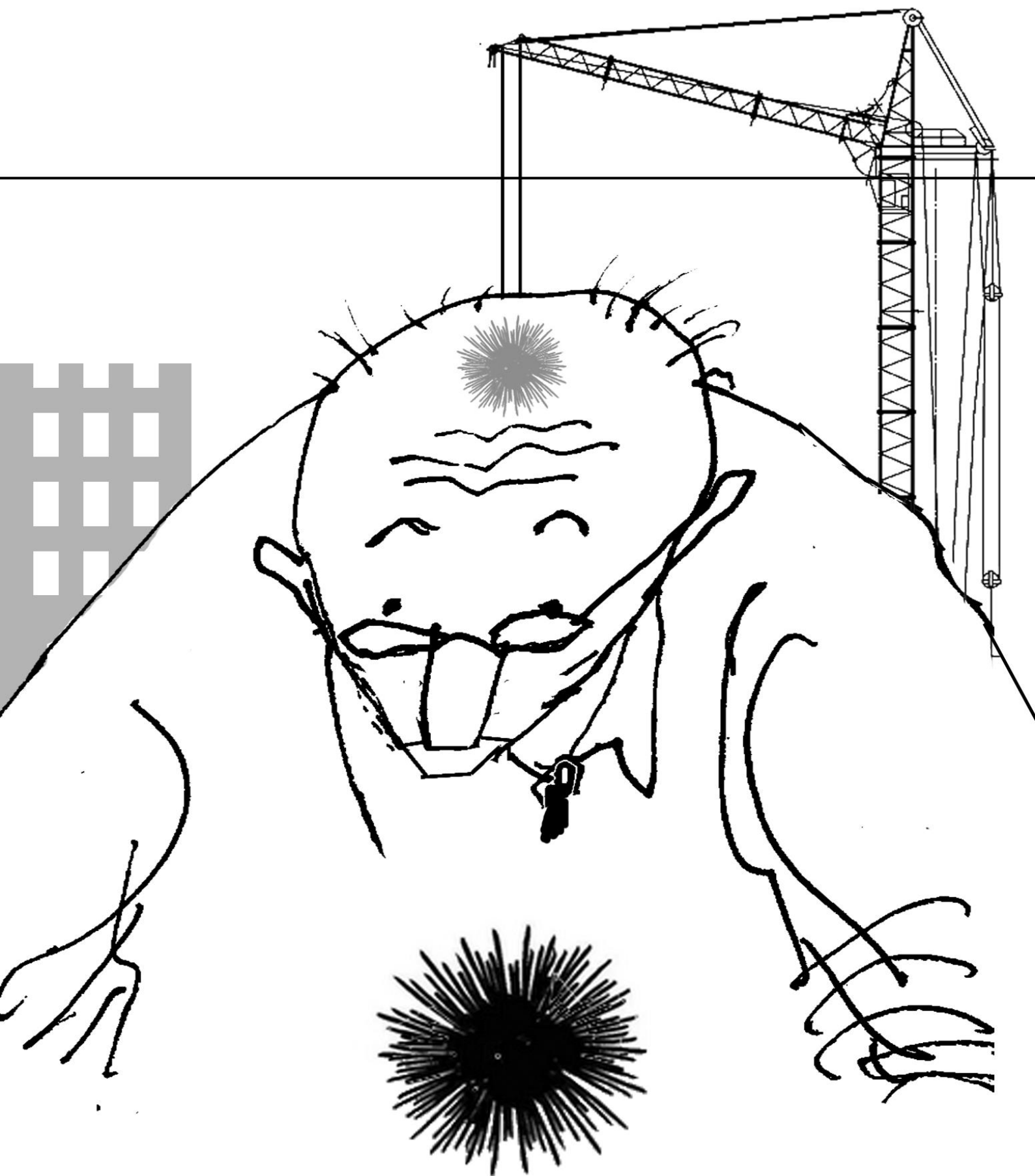

БОЛЬ

Семен Грила

Боль

Эпизод первый

Это как-то началось постепенно: то одно, то другое. То ногу подвернул, то руку потянул. Ну, такие нормальные бытовые случаи для любого тренированного человека. Копал картошку у родителей на даче – болела спина. Гланды вот еще в детстве вырезали – не мог глотать. Смешно так пил, и все через нос обратно. В стакан. Ну смешно же. Он всегда и смеялся. И не обращал внимания.

Естественно, с прошествием кругов лет мест боли в теле прибавлялось. И боль эта становилась частью жизни. Обычной рутины. Встал, размялся, вроде легче.

Ложишься, мечтаешь быстрее уснуть, а если болей нет, то хочется не спать подольше. Ему говорили: кто-то пьет обезболивающие, кто-то алкоголь, приспособляются люди по-разному. Проблемы одинаковые – выходы стараются найти разные.

Боль. Соматическая. Это оказалось нижней ступенью. Она превалировала, отпугивала скоротечную, но бурную боль психологическую или, как принято ее называть, душевную. Отпугивала-отпугивала до поры до времени, но пришлось сдаться под бурным натиском.

Соматика уступила. Теперь главной болью стала боль поступков, утрат, упущений, перспектив и сожалений. Оказалось – может, это не так остро, как бывает с болью почек или кишечника, но психику боль берет длительной осадой. Если это началось, то не спрячешься.

Эпизод второй

Агностий Палыч жил размеренно и упорядоченно. Он не пил, не курил, регулярно совершал пешие прогулки и учил латынь недолгими вечерами, ибо ложился рано.

Он был почти пенсионер в старом понимании этого слова. В таком советском смысле. А в теперешнем – отошедший от операционной деятельности строитель, консультирующий компании и следящий за выполнением технических условий проектов. Почти инженер человеческих душ. Строительно-монтажных.

Он всю жизнь на стройке. Вернее, рядом – в кабинетах проектных институтов. Документацию читал с листа, все понимал, и проверяемым надеяться было можно только на хорошо сделанную работу. Такой вот человек. Он был женат, дети выросли.

Жена занималась своим делами, он своими. Пересекались редко. На кухне.

Вот он и жил с болью. Или нет, скорее боль жила с ним, и это позволяло ему чувствовать себя живым.

Эпизод третий

Объект. Торговый центр. Огромный. Куча переходов. Многозальный кинотеатр. Торговые галереи, ну и все-все-все.

Работают очень разные подрядчики. Он знает: главное – бетон. Хороший бетон, правильно отлитый, правильно изолированный – это почти успех и подарок будущим арендаторам.

Он поехал туда посмотреть, как начали. То, что он увидел, было плохо. Некачественная опалубка, низкое качество бетона, несоответствие по нагрузке и по подготовке. Даже размеры не совпадали.

Он посмотрел на прораба. Тот пожал плечами:

– Я второй день тут, сам охуеваю, ваша светлость. Я сразу сказал, надо все переделывать. Но кто ж меня слушает. Вас слушают. Скажите им.

Он поблагодарил. Сел в машину и попросил отвезти обратно. Домой. По дороге позвонил владельцу подрядчика.

– Ну как вам? – Плохо. Надо все переделывать. – Да вы что. Это невозможно. За чей счет? Я разорюсь. – Ну, про это я ничего не знаю, но такое мое мнение, и я его выскажу. – Ах ты старый козел. Ты еще попомнишь меня.

Агностий Палыч отключился. Он мог продолжать этот бесполезный разговор. Он провел таких тысячи, и все они были примерно одинаковые. Вернее, похожие, как две капли воды.

Позвонил представитель заказчика, который, собственно, и являлся работодателем.

– Ну как там?

– Все плохо. Вы определитесь, что вы хотите. Переделывать надо все. Но этот подрядчик, наверное, не справится, хотя я видел на объекте сегодня – они наняли толкового прораба. Он понимает

глубину глубины. Не уверен, понимают ли его начальники нынешние. В общем, вам решать.

– А сроки?

– Сроки сдвинутся не сильно, если не тянуть.

Заказчик поблагодарил и отключился

Эпизод четвертый

Агностий Палыч поел и сел смотреть в окно. У него внизу была улица и перекресток. Он любил этот поток случайного набора информации вместо телевизора с его запрограммированными потоками ненависти.

Позвонила дочка, он не принял звонок. Позвонила внучка. На нее он был конкретно обижен. Она уехала слишком далеко, чтобы навещать его, и это сильно его обидело. Вот прям сильно. Он надеялся, что она будет с ним в старости его беспросветной.

Дочь позвонила снова, Агностий Палыч ответил.

– Да, все в порядке. Да, я ел. Да, еда есть. Нет, я не знаю размера моей аневризмы. Они сказали, что очень она плохая просто, и все может произойти в любой момент. Нет, я не стану отвечать тебе, как часто я писаю, я еще помню, кто тут отец, а кто дочь.

– А что такого, подумаешь, я просто спросила. Мы просто с мамой обсуждали. Это важно для твоего здоровья. Я приду в воскресенье. В субботу веду своих оглоедов в цирк.

А дома у тебя не цирк, что ли, проворчал он, но тихо, про себя.

– Ладно, спасибо. Посмотрю, как я писаю, и сообщу тебе, раз это так важно. До воскресенья. Пока.

– Пока, папа.

Дочь повесила трубку.

Эпизод пятый

Повесила трубку. Эвфемизм ушедшей эпохи. Кто и куда вешает трубку теперь. Впрочем, многое в XXI веке стало виртуальным, нечетким, неконкретным. Это Агностия Палыча страшно раздражало, он вообще был человеком очень раздражительным, желчным, хотя и не злым.

И еще его очень раздражали его сосуды и жена. Которая опять ночевала у дочери. Ему было жалко себя. Они, конечно, по-своему заботятся о нем. Да и не надо ему особенно ничего. Вот они и помыкают. Потому что ему не надо, и они это знают.

Он продолжал крутить себя. Пока не появилась боль. Он сразу вернулся к реальности и затормозил. Стал успокаиваться и переключился на созерцание. Потом пошел и лег в постель. Долго ворочался. Вспомнил, что не почистил зубы. Пошел в ванную. Долго смотрел на тонкую струйку, падающую из его пениса. Почистил зубы. Лег снова. Тупо лежал на спине. Пока не начал задыхаться. Повернулся на бок – и очнулся только среди ночи. Нырнул снова – и вот оно утро.

Светло, и можно вставать, не боясь приступов ночных кошмаров, и варить овсянку, чувствуя себя молодым победителем, начинающим все сначала. Все не так уж плохо, решил он, и сварил себе кофе. Стало вообще отлично.

Эпизод шестой

Он опять поехал на объект. Нашел прораба.

– Ну что?

– Да вот приказано поменять все здесь и здесь, – сказал прораб.

– А остальное? – равнодушно спросил Агностий Палыч.

– А остальное я предложил укрепить. Поставим дополнительную арматуру. Уравняем низкую марку бетона.

– Ну, вам видней. А что говорит официальный надзор? Они не против?

– Честно говоря, им всегда до пизды, – сказал прораб. – Они всегда ведут себя одинаково. Предупреждают, но не запрещают. На вашу ответственность. А они умыли руки. Они же предупреждали. Вот предписание под роспись.

– Все-таки надо и вот эти основы столбов укрепить тоже, – сказал Агностий Палыч.

– Они не хотят больше тратить. Мои начальники говорят, что работают теперь в убыток. В надежде, что заказчик примет во внимание и что смогут заработать на других заказах.

– Ну, не знаю. Столбы надо укреплять.

– Ладно, – сказал прораб, – я им скажу. Пусть решают.

Они попрощались, и Агностий Палыч поехал обратно. А, впрочем, нет. Он же сегодня обедает со Славиком, вспомнил он.

Он попросил отвезти его в любимый итальянский ресторан. Это сказано громко, для красного словца, на самом деле он ресторанов не любил. Кафе, бары – куда ни шло, а рестораны – нет.

Но Славику он не мог отказать. Славик был сыном его студенческих друзей. Единственным человеком, с которым он мог разговаривать. Просто разговаривать. Не терпеть мучительно конца. А наслаждаться процессом. Хотя и недолго. Потом начинало болеть. Или нога, или сердце, или голова. Последнее время голова болела часто, несколько дней подряд. Просто кошмар.

Но сейчас голова не болела, и это давало Славику шанс.

Эпизод седьмой

Славик был шустрый малый, который без потери этого качества превратился во взрослого мужика, вот-вот стукнет полтинник. В почти пожилого мужика, значит.

Он встал навстречу Агностию Палычу, здоровый, толстый, лысый. Они обнялись. Сели за стол.

– Я уже заказал все, как вы любите, – шумно задвигался Славик.

Он был в развлекательном бизнесе. Так, наверное, там надо, полагал Агностий Палыч.

– Спасибо, Славик, – сказал он. – Тогда рассказывай, как и чего. Сколько мы не виделись?

– Мы не виделись с прошлого года, с весны, – отвечал Славик. – Я приехал, у меня новый проект. Был в Дубае, там познакомился с ребятами, решили запустить новую антрепризу. Они хотят, чтобы актеры были отсюда, именно из здешних театров. Вот приехал смотреть. Кого можно подрядить.

– А что, теперь Дубай – центр мира? – спросил Агностий Палыч.

– Ну да. Можно сказать и так. Хотя, вы же знаете, я люблю Милан. И бываю в основном там. Ну в смысле рядом. На Гарде. Вы же были там у меня?

– Был. Давно, правда. Но ты же знаешь, я не тусовщик. И не был никогда.

– Ну да, – Славик его и не слушал. Рассказывал про антрепризу, которую катал последние два года. Как предлагали взять театр. Но мороки много, обязательства. А он не хотел всего этого, хотя, может, и придется. Свободного рынка почти нет. Деньги есть, навалом, предупредил он немой вопрос. Боятся инвестировать без кивка от власти. А власть – это опять обязательства, а у них и своих хватает, плодить не хотят. Увеличивать риски.

Славик все продолжал, а Агностий Палыч ел и замечал, как от солнечного сплетения начинает подступать тошнота. И жар. И покалывания кожи. Ноги мгновенно затекли.

Так. Ладно. Потерпим пока, решил Агностий Палыч. Включился. Славик рассказывал, как некая дама заказала себе артистов на частную вечеринку, а они явились пьяные или под кайфом. Был скандал. Приехали их менеджеры. Ну, вы понимаете. Улаживали.

Эпизод восьмой

Агностия Палыча слегка отпустило. А ведь могло в этот раз уже и не отпустить. Все-таки непонятно – аорта это или поджелудочная, или сосуды-капилляры сами по себе такое устраивают. Он злился. Испортилось настроение.

Он извинился и пошел в туалет. Посидел на горшке. Послушал птичек. Вроде действительно полегчало. Хоть не упаду, подумал он. И на том спасибо. Пойду: может, еще спасем обед.

– Славик, тут по-прежнему вкусно, – сказал он, садясь на свое место за столом. – Извини, прихватило чего-то. Я ведь к тебе прямо со стройки.

– Вот вы неугомонный. Денег не хватает?

– На что они мне? На кефир? Скучно. Отвлекает. Ты здоров?

– Ну, мы если здоровы – значит, не дообследованы, – Славик был в своем репертуаре. Шутил.

– Ну и хорошо, и не дообследуйся. Догадываться всегда лучше, чем знать.

Боль где-то слева под ребрами вернулась. Голова слегка кружилась. Но это он научился контролировать. И Агностий Палыч бодро продолжил:

– Скажи мне, театр умер совсем? Что мы имеем теперь?

– Ну, театр умер в советском понимании театра. Да, умер. Осталась инерция и какие-то новые формы, постсоветские, перелицованные западные растут, но это, конечно, не развитие. Наверное, можно надеяться на синтетику. Новый звук, новый свет, новая механика сцены – это все будет развиваться. Но актеры нужны, а их нет.

– А все остальное?

– Все остальное есть, – Славик махнул рукой. – Вам-то это зачем? Вы же вроде не увлекались никогда.

Эпизод девятый

Он хотел говорить о боли, показывать боль. Он хотел, чтобы все терпящие боль сепаратно, по своим углам, знали, что они не одни. Что глушить ее бесполезно, ее надо проговаривать, ее надо показывать, из нее надо созидать. Всего этого он не мог сказать Славику, но очень хотел.

Агностий Палыч вслух сказал:

– Ты же знаешь, отец назвал меня Агностием, потому что не верил сам, но хотел дать мне возможность разобраться самому, вот я и разбираюсь. Есть у меня некие идеи. Но о них мы поговорим, давай, в следующий раз. Не будем перегружать общение слишком.

Славик кивнул, они заказали десерт и проболтали ни о чем еще целый час.

Агностий Палыч явился домой почти счастливый. Так хорошо ему было. С пустой душой, полной одной радостью беспонтового общения. Ну, это когда людям не надо ничего материального друг от друга.

Спал он отлично. Утром поехал на объект. Представитель заказчика и подрядчик разговаривали. Когда Агностий Палыч вылез из машины, прораб сказал, что споры из-за столбов зашли в тупик.

Агностий Палыч поздоровался и сказал, что если они укрепят столбы, то будут спать спокойно и гордиться собой за правильно принятое решение.

Они смотрели на него с недоверием, и когда он закончил, подрядчик сказал, что это все демагогия и смысла в укреплении столбов нет.

Агностий Палыч ответил, что он греха на себя брать не будет, ему и своих хватает, поэтому он напишет в прокуратуру и в стройнадзор, или как эта контора теперь называется.

Представитель заказчика тут же объявил, что Агностий Палыч уволен вчерашним числом. Приказал на объект его больше не пускать.

Подрядчик глядел на него с ухмылкой. Агностий Палыч развернулся и пошел прочь.

А все эта боль. Все-таки соматическая – она как-то формально больнее, но отпускает – и сразу легче, жить хочется. А психологические страдания носят удушающий характер. И ничего не докажешь. Вот как с этими столбами. Все известно – и ничего. Так и с душевными болями. Причины есть – и ничего. Впрочем, Агностий Палыч дна еще не достиг.